

Владимир Михайлов

Дальней дороги

«Автор»

1963

Михайлов В. Д.

Дальней дороги / В. Д. Михайлов — «Автор», 1963

Признанный мастер отечественной фантастики... Писатель, дебютировавший еще сорок лет назад повестью «Особая необходимость» – и всем своим творчеством доказавший, что литературные идеалы научной фантастики 60-х гг. живы и теперь. Писатель, чей творческий стиль оказался настолько безупречным, что выдержал испытание временем, – и чьи книги читаются сейчас так же легко и увлекательно, как и много лет назад... Вот лишь немного, что можно сказать о Владимире Дмитриевиче Михайлове. Не верите? Прочитайте – и убедитесь сами!

© Михайлов В. Д., 1963

© Автор, 1963

Содержание

1	5
2	7
3	10
4	14
5	18
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Владимир Михайлов

Дальней дороги

1

Волгин не любил наглых. Этот же забор был нагл. Он самодовольно усмехался. На его гладких выше человеческого роста металлопластовых плитах при желании можно было прочесть написанную незримой и неосязаемой краской надпись: «Вот я, бесконечный, непреодолимый! Не пытайся обойти, не ищи способа проникнуть внутрь. Умерь любопытство. Да и что тебе до того, что кроется за моей спиной? Разве сам я – не сооружение, достойное почтительного взгляда? Смотри. Налюбовавшись же – иди прочь!»

Волгин не внял этому разумному совету, который прозвучал в его ушах так явственно, будто и впрямь был произнесен или хотя бы начертан резкими литерами. Внимательно осмотрев забор и определив его высоту, он воровато поглядел направо, потом налево. Затем он повернулся и действительно зашагал прочь, продолжая обшаривать глазами окрестность.

Пройдя двадцать с лишним шагов, Волгин остановился и вновь обратился лицом к препятствию. Секунду он стоял на месте, затем кинулся, внезапно и стремительно. Могло показаться, что он хочет повергнуть забор, ударившись о него всей своей немалой массой. На самом деле все было гораздо прозаичнее: Волгину был нужен разбег для того, чтобы включить микродвигатели.

Через несколько мгновений он уже сидел на заборе, сосредоточенно разглядывая открывшийся взгляду пейзаж. За самодовольным сооружением росла такая же трава и такие же группы кустов, видневшиеся тут и там, немного оживляли скучную картину. Метрах в трехстах белел уютный домик, а больше и действительно ничего не было. Так что забор, похоже, высился тут зря.

Волгин знал, что не зря.

Поерзав, он съехал вниз, как ребенок съезжает со стула. Приземлился на корточки, затем, пригнувшись, сделал несколько шагов. Когда между ним и белым домиком оказался ближайший куст, Волгин выпрямился и облегченно вздохнул. Потом стал осматриваться, подолгу задерживаясь взглядом на каждой неровности почвы, на каждом сколько-нибудь крупном камне.

Один из камней заинтересовал Волгина больше остальных. Волгин шагнул, приближаясь. На миг на его лице возникла брезгливая гримаса. Но уже в следующее мгновение, совладав с чувствами, он негромко позвал:

– Рамак! Послушайте, рамак...

Он предвидел Неожиданности, и все же, не выдержав, отпрянул: камень рос.

Не камень, вернее, а то, что Волгин назвал рамаком. Нечто, похожее на обруч, около метра в диаметре и сантиметров тридцати высотой, плашмя лежало в высокой траве и до последнего момента не было заметно, камнем же казалась выступавшая над зеленым покровом земли округленная башенка серо-коричневого цвета. Теперь башенка быстро поднималась, потому что в лежащем кольце, как оказалось, скрывались другие, вдвинутые одно в другое, как колена старинной подзорной трубы, а сейчас плавно выдвигавшиеся. Волгин на всякий случай отступил еще на шаг; к этому времени башенка достигла уже двухметровой высоты и остановилась.

– Я рамак, – проговорил приятный голос, исходивший, как определил Волгин, из башенки. – Добрый день, человек. Зачем вы пришли?

Волгин молчал, тяжело дыша.

– Говорите, – сказал рамак. – Время дорого, человек. Ваше медленное, и мое быстрое время.

Волгин откашлялся; ему было трудно выговорить слово, как будто кто-то держал его за горло.

– Ага, – пробормотал он наконец. – Значит, такой вы и есть. – Он произнес «вы» совершенно машинально, словно обращаясь к человеку.

– Да. Я рамак: разумная машина космоса.

– Я думал, вы больше похожи на нас.

– Зачем?

– Вот именно, – сказал Волгин. – Зачем? Все равно у нас не может быть ничего общего.

Вы – машина.

– Вы тоже, – сказал рамак. – Но я – разумная машина.

– Ах, ты... – выдохнул Волгин, сжимая кулаки.

– Что вы хотите сказать еще, человек?

Но Волгин снова смирил себя.

– Это я скажу не здесь. И не вам.

– Идите, человек! – сказал рамак. – Сколько ушло времени!

Он произнес это прежним – ровным, приятным голосом.

– Можете ли вы подняться сами? В противном случае я помогу вам.

– Не нужно, – сказал Волгин, не пытаясь более скрыть отвращение.

Разбежавшись, он включил микродвигатели и поднялся в воздух. Перелетая через забор, оглянулся. На крыльце домика стоял человек. Руки его были подняты к лицу; кажется, он смотрел в бинокль.

– Вот с тобой мы еще поспорим, – пробормотал Волгин, опускаясь на землю с внешней стороны ограды. – Но этот прав: потеряно очень много времени. Торопиться, торопиться! Иначе они уйдут, и тогда их уже не остановишь!

И он торопливо зашагал к одинокому дереву, в тени которого стоял его аграплан.

2

Из-за приоткрытой двери доносились голоса.

– А это?

– Это и есть конус церебропушки.

– Не сказал бы, что он похож на конус.

– Сходство было в первом варианте. Потом пришлось добавить три магнитные линзы для тонкой фокусировки. Вот и получилось...

Голоса звучали свободно; так говорят люди, когда их не слышит третий. Один голос – юношеский, ломкий – был свой, привычная деталь обстановки. Другой – взрослый, глуховатый – чужой. Вроде бы незнакомый. Хотя что-то в глубинах памяти, кажется, резонировало с ним; дрожала какая-то струнка, но чересчур тихо. Если нырнуть в воспоминания...

– Вообще-то вам повезло. Потому что уже сегодня вечером попасть к нам никому не удастся: начнем подготовку к решающему эксперименту.

– О! – Взрослый голос благопристойно удивился. – И какова цель?

...Нет, вряд ли в памяти что-нибудь отыщется. Просто очередной любопытствующий; прибыл поинтересоваться, какими такими чудесами пахнет в этой части Вселенной. Ну, пусть понюхает в меру. У нас нет секретов, мы-то забором не отгораживаемся!

У Витьки, лаборанта, ангельское терпение: объясняет уже в сто какой-то раз. Мог бы избавиться от гостя и побыстрее. Выйти, прекратить?

Не стоит. Раз уж удалось незамеченным проникнуть в собственный кабинет – сиди и работай. Ибо великие дела предстоят нам...

Волгин сделал несколько неслышных шагов от окна. Ступать бесшумно при волгинских размерах и весе было нелегко. Зато голоса стали слышнее.

– Цель?..

Витька сделал интригующую паузу. Немного, правда, затянул. Самую малость.

– Цель, по существу, можно сформулировать так...

Еще пауза, на этот раз с соблюдением меры. И – совершенно небрежно, этак между прочим:

– ...Создание нового человека. Именно так!

Интересно, как этот: изумится сразу или начнет докапываться до сути?

– Нового? Чем же он будет отличаться от старого?

Копается. Из въедливых.

– О, многим!

– Четыре руки будут, что ли?

Прикинулся недоумком. Ходят, отнимают время. Времени мало, тот рамак был прав. И все-таки мы успеем. Эксперимент поставим. И заставим многих задуматься.

Может быть, одного эксперимента будет мало? Ведь результата придется ждать долго, долго... Придумать еще что-нибудь? Что же можно придумать?

– ...Почему – четыре руки? Анатомию и физиологию мы не затрагиваем. Психика – вот главное!

Правильно, только так кричать не следует.

– Ведь основным рубежом в исследовании космоса сейчас является именно рубеж психический. Не при полетах в Солнечной системе, конечно. При достижении отдаленных миров, при их освоении, приспособлении для жизни. Бесконечность расстояний, разлука навсегда, смена поколений в полете – все это слишком тяжело для человеческой психики. А ведь это не главное. Основное – то, что человек в космосе никогда не чувствует себя дома. Космос – всегда враждебная среда.

– Это не ново.

– Но от этого никому не легче, не правда ли? До тех пор, пока человек не почувствует себя в пространстве своим, он не сможет по-настоящему приняться за осуществление своей задачи: расселения в Большом космосе. Следовательно, психика человека нуждается в некоторой перестройке...

Интересно, когда твои взгляды высказывает кто-то другой. Слышишь все словно в первый раз. Каждое слабое место само бросается в глаза. Но ведь пока что слабых мест не было?

Нет. И не должно быть. Но послушаем еще.

Волгин откинул кресло у рабочего стола. Уселся и закрыл глаза, чтобы лучше воспринимать звуки.

– ...А механизм влияния вас не интересует?

– Но я, кажется, вас задерживаю?

– Ладно. Садитесь и старайтесь понять.

Послышался свистящий шорох; это Витька чересчур сильно двинул стул. Волгин зажмурился. Сейчас эта принадлежность мебели врежется в кристаллическую путаницу, именуемую контрольным блоком (правильнее было бы назвать ее контрольной кучей), возвышающуюся посередине лаборатории. Миновать ее, судя по тому, откуда доносились голоса, стул никак не мог. Три, два, один...

Звона не последовало. Адресат сумел все-таки перехватить. Недурная реакция. Хорошо. Во-первых, не пострадал блок. Во-вторых...

Во-вторых, если не очень привередничать, то вообще все хорошо.

Волгин позволил себе на минуту расслабиться в кресле. Взгляд его лениво скользил по столу. Не в поисках чего-либо, а так – отдыхая. На столе все было знакомо, все на своем месте: прежде всего – порядок. От раскрытой рабочей тетради взгляд пополз дальше, ни на чем не намереваясь задерживаться. И вдруг остановился. Это еще что такое?

Это были цветы. Полевая гвоздика в лабораторной мензурке. Цветы. Только и всего. Черт, как хорошо: цветы... Откуда здесь цветы?

Резким движением Волгин схватил мензурку; вода перебрызнула через край, но он не обратил на это внимания. Цветы. И карточка. Два слова: «С сорокалетием». Ну спасибо. Вспомнили.

А кто бы это вспомнил?

Мысль пришла непрошенной. А вдруг это?... Мысль была горька и сладка вместе. Волгин заставил себя усмехнуться, покачать головой. Нет. Нереально. Это было и прошло. А еще вернее: не было – и прошло. И достаточно об этом.

И все же...

Да нет, это не она. Если бы она, здесь было бы написано еще что-нибудь. Например: только не надейся, это – просто так, выполняю правила приличий. Или еще что-то в этом роде. Увы, мол, ничего не поделаешь...

Конечно, после такого промежутка времени о подобном внимании с ее стороны и мечтать бесполезно. Цветы! В сорок-то лет начинаешь понимать такие вещи. Женщина мужчине – цветы? Вряд ли. Новую книгу или запись, старое вино – это да. Кстати, и почерк-то не ее. А какой – ее?

Вместо того чтобы размышлять над разными тонкостями предстоящего эксперимента, Волгин принялся вспоминать – и действительно вспомнил, что ее почерка не знает. Да и ничьего не знает. В наше время звонят по видеофону, шлют теле– или фонограммы. А писать – не пишут.

Значит, не она, решил он окончательно: то, что он не знал ее почерка, его в этом убедило почему-то. Кто же? Стоп. А если...

Нет. Не может быть. Но – проверим.

Волгин вместе с креслом повернулся направо, к информатору, набрал нужный шифр. Информатор несколько секунд молчал, разбираясь, наверное, в самом свежем материале. Наконец отбарабанил деревянным голосом:

– В ближайшие дни прибытие кораблей Дальней разведки не ожидается.

Отбарабанил и умолк. Честный, ни на что не претендующий автомат, не какой-нибудь рамак!

А ведь и рамак тоже – железо железом.

Значит, цветы поставила не она. Еще их могли поставить сентиментальные флибустьеры Дальней разведки, но они их тоже не поставили, потому что еще не прибыли. Жаль, что не прибыли: поддержали бы в решающие дни. Словом, примем в качестве рабочей гипотезы, что цветы преподнес Витька. Начитался чего-нибудь трогательного, взял и преподнес. Да, что он там, Витька?

Волгин постарался выбросить цветы из головы, и лишь после этого вновь стал слышать голоса, звучавшие в соседней комнате. А вслушавшись, явственно ощутил, как лютая злоба подступает к самому горлу.

3

– Вот, – заканчивал в этот миг Витька. – Вот как мы это собираемся сделать. И вот для чего.

– Как, – задумчиво протянул гость, – мне понятно. И Волгину вновь почудилось, что где-то уже слышал он такую манеру растягивать слова в минуту задумчивости.

– А для чего – разве вам неясно?

Гость помолчал. Потом ответил:

– Тут могут быть сомнения.

Секундная пауза. И озадаченное Витькино:

– Да-а?

– Естественно. Потому что есть существа, которые настолько приспособлены к существованию в космосе и выполнению связанных с этим задач, что человеку до них всегда будет далеко. Есть ли смысл пытаться создать несовершенное их подобие?

Вот тут Волгин начал ощущать злость, потому что почувствовал, о чем пойдет речь дальше.

– Это вы об этих? – нерешительно спросил Витька.

– О рамаках, конечно.

Волгин прямо физически почувствовал, как Витька замешкался. И не случайно: само имя рамаков у Волгина было под запретом.

– Ну да, – промямлил Витька наконец. – Ну да, я понимаю. Только... Они же все-таки не люди, правда?

– Правда, – сказал гость. – А что? Какая разница?

– По-моему, очень большая, – ответил оправившийся от легкого потрясения Витька. Люди и не люди – очень большая разница.

– Мы ведь не об этом говорим, – сказал гость. – А о том, что если, допустим, вам известна обстановка в работающем реакторе, то не потому, что там находятся люди, а как раз по той причине, что там размещены не люди.

Волгин сердито засопел. Но Витька и сам нашел ответ.

– Так там приборы. А рамаки – разве приборы?

– Не совсем, конечно... Но можно сказать и так: приборы – или аппараты, – обладающие суммой качеств, необходимых в той обстановке, в которой им придется работать.

– А разум – одно из этих качеств?

– Разум – одно из этих качеств.

Витька подумал.

– Но ведь приборы постоянно находятся под контролем человека. А рамаки, как только их выпустят, уйдут из-под этого контроля.

– Так и должно быть.

Волгин настороженно вслушался: гость ответил вроде бы убежденно, и все же не было в его голосе должной уверенности. Словно бы он и сам сомневался в собственных словах и оттачивал мнение, полемизируя с собеседником. Противника, правда, избрал не очень сильного. Но, по правде сказать, и не такого уж слабого.

– А если так и должно быть – что нам толку от этого? Зачем нужен в реакторе прибор, не дающий нам никаких сведений?

– Прибор не нужен, разумеется. Но ведь, скажем, современный реактор ведут автоматы. Они не сообщают нам о каждой мелочи, потому что справляются сами. Так и здесь.

– По-вашему, освоение Большого космоса – мелочь?

– Нет. Но это – процесс сложный, и многое зависит от того, что считать в нем главным. Само течение процесса – или наше в нем участие.

Говорит неглупо. И все же сам он не совершенно уверен. Нет.

– Для меня, – решительно сказал Витька, – именно участие человека – главное.

– Ну что же: с этим, быть может, многие согласятся. А многие нет. Как и почти всегда, тут трудно достичь полного единомыслия. Во всяком случае, пока вы разрабатывали методику и готовились к вашему эксперименту, другие создали рамаков и тоже подготовили их к решающему эксперименту. И если он удастся, я не вижу причины, которая помешала бы рамакам выйти в пространство и начать экспансию.

Витька пробормотал что-то неразборчивое.

– Посудите сами. Какими бы качествами, физическими и психическими, ни обладал бы человек, большая часть планет практически останется для него закрытой. Мы слишком хрупки и привередливы. Нам подавай температуру – в узких пределах, атмосферу – строго определенного состава, напряжение гравитации – от и до, интенсивность ультрафиолетового излучения – не более известного уровня, и так далее, и тому подобное. Нам подавай продолжительность полета опять-таки не дольше известной величины, да к тому же еще и коллектив – человек, оставшийся на чужой планете в одиночестве, гибнет, – да к тому же и комплекс орудий, приборов, машин, без которых человек беспомощен, и еще – мощную биологическую защиту, препятствующую болезнетворным бактериям и вирусам расправиться с нами в два счета; а если все эти условия соблюдены – что бывает в крайне редких случаях, – вступает в действие новая группа факторов...

Шпарит, как по писаному. Вот в этом всем он уверен, чувствуется по тону. Вроде бы не сторонник рамаков. Но – склоняющийся. А кто бы это мог быть? Откуда? До сих пор любопытствующие тут лекций не читали. А этот не испугался. Но если он чересчур разойдется, придется выйти и прервать. Иначе парень начнет сомневаться. А именно в эти дни сомнения страшнее всего. Но надо слушать.

– ...Потому что люди неизбежно образуют общество. Общество не только разумных, но и эмоциональных индивидуумов. Для того чтобы оказаться устойчивым, общество это, в свою очередь, должно обладать необходимым минимумом качеств, что не всегда удается обеспечить. Качеств, начиная с личности руководителя – или руководителей – и кончая... Кончая...

Тут гость запнулся. Волгин чуть усмехнулся: кончая численным соотношением представителей обоих полов – вот что хотел сказать посетитель, но вовремя спохватился: вспомнил, что разговаривает с мальчишкой, чей возраст еще не позволит оценить всю важность этого обстоятельства. Ну, ну?

– ...Кончая еще сотней условий, над соблюдением которых в поте лица работают психологи, социологи, физиологи, инженеры – и далеко не всегда достигают цели.

Что же, завершил достойно. Только, любезный просветитель юношества, ты не учитываешь одного: что мы как раз и работаем над тем, чтобы обеспечить устойчивость такого общества – даже если оно будет состоять всего из двух человек. Большинство несчастий происходит оттого, что человек – исследователь и космический колонизатор – не чувствует себя дома на чужой, необитаемой планете – а обитаемых нам не попадалось, да их и колонизировать, разумеется, никто не стал бы. Он переживает, он тоскует, как бы ни уходил в работу, – а память о Земле висит над ним и гнетет, а исчезнет она лишь в следующем поколении. Это на планете; что же говорить об открытом космосе, где так подолгу приходится жить в тесной коробке корабля, выход из которой приносит не облегчение, а лишь новое напряжение. Но мы сделаем, обязательно сделаем так, что человек будет считать и корабль, и даже скафандр своим настоящим домом, а новую планету – землей обетованной, а себя самого – предназначенным именно для выполнения задач по обнаружению и приспособлению планет для жизни. Такие люди и обеспечат нам проникновение в космос. Нет, уважаемый лектор, ты, видимо, все же теоретик

– один из тех, кто постигает мироздание по бумагам, а поездку на Лунные станции считает космическим путешествием. Вот если бы ты хоть разок побывал в Дальней разведке – сразу понял бы, что к чему, и какие в космосе бывают люди... А что он там еще рассуждает?

Волгин приставил к уху ладонь: человек, видимо, устал и теперь говорил тише.

– ...Кристаллический мозг, манипуляторы, диагравийонный двигатель и устройства для преобразования энергии. Вот и все. Как видите, рамак – сам себе корабль, силовая станция, мастерская и – главное – сам себе разум. Так что из тех человеческих слабостей, которые мы тут с вами перечисляли, он не обладает практически ни одной. А разум у него не слабее нашего. Сильнее, пожалуй. Кроме того, эмоциями он не обладает, полом – тоже, а воспроизводится путем создания себе подобных из имеющихся вокруг материалов. И вот получается, что если из ста планет для нас пригодна одна, то для рамака – девяносто девять. И если даже он попадает на планету один как перст – все равно он начнет воспроизводиться, и через краткий срок рамаки заселят планету и начнут приводить ее в порядок.

Тут Витька наконец подал голос.

– В порядок – для нас?

Человек замялся.

– Не обязательно. Вообще – в порядок. Станут поднимать ее на новый уровень. Это, по-видимому, неизбежный этап в эволюции Вселенной. И главную часть этой работы рамаки способны выполнить куда лучше нас.

Ну и нахал, подумал Волгин. Каков нахал! Приходит прямо ко мне в лабораторию – и начинает проповедовать рамакизм! Нет, кажется, пора положить этому конец. Выйти и сказать: эй, вы...

Волгин поморщился и вздохнул. Нет, не стоит. Ввязаться сейчас в спор – значит бесповоротно испортить себе настроение на весь день – и хорошо еще, если только на один день. Какое-то невезение сегодня: сначала – это свидание с рамаком, первая попытка увидеть противника в натуральную величину, а теперь и этот гость, дилетант какой-нибудь, торопящийся, как и всякий дилетант, блеснуть крохами весьма поверхностных знаний перед первым попавшимся слушателем. А Витька, конечно, не искушен в дискуссиях... Нет, выходить не стоит. Спорить и опровергать будем не таким образом. Проведем эксперимент. Объясним. И скажем: пока не будет ясен результат, от операций с рамаками следует воздержаться, какие бы блестящие результаты ни дало их испытание. Ждать придется лет двадцать; что же, нас это устраивает. Надо набраться терпения...

Терпения Волгину как раз никогда и не хватало. Он протянул руку к интеркому, нажал нужную клавишу.

– Ну, как со столом?

Виноватый голос пробормотал что-то в ответ.

– То есть как это – не опробован? В таком случае работать будете вы сами – на собачьем столе. Ах, не будете? А я вас заставлю! – Брови Волгина столкнулись на переносице, вертикальная морщина перечеркнула лоб, и он пожалел, что нельзя говорить в полный голос: услышат в лаборатории. – Нет, ничего не желаю знать. А почему же вы эту следящую автоматику не получили? Мало ли – не дают... Должны были предупредить меня еще вчера. Только сегодня? Все равно вы должны были знать еще вчера. По голосу надо чувствовать: если они вчера обещали, а сегодня не дали, то они и вчера уже не были уверены, а это следует чувствовать по голосу. Ну довольно: сейчас иду к вам. Все.

Волгин нажал выключатель, экран погас. Придется идти. Нельзя медлить: не что-нибудь, а сама история человечества, кажется, входит в крутой поворот и даже, как и всегда на поворотах, слегка наклоняется при этом. Усилия всего института слились в одном русле, и вот завтра...

А этот все говорит? Вот неиссякаемый источник! Что он?

– ...Но даже если их будет много, это не явится обществом в нашем понимании этого слова. Так что и такого рода случайности исключены. Вот как обстоит дело с рамаками... Ну, спасибо за беседу, мой мальчик. А Волгина, очевидно, я так и не дождусь.

– Он, – обиженно сказал Витька, – все равно с вами не согласился бы.

– Не сомневаюсь. Но я хотел просто навестить его. Воспоминания, воспоминания... нежные мелодии юности. Как-никак, мы с ним съели вместе не один килограмм стимулятора. Ну, друг мой, дэ-дэ.

– Что?..

Но дверь – было слышно – затворилась. Волгин с опозданием выскочил из-за стола, остановился посреди комнаты, опустил руки. Неужели ему не почудилось, и такой голос когда-то был в его жизни?

Несколько секунд он напрягал память. Да нет же, нет. Не было. Но иногда в голосе что-то проскальзывало, и вот это «что-то» определенно было. Но когда, где? Что упущено, что забыто?

– Дэ-дэ? – едва слышно спросил он. – Дэ-дэ? Неужели? Но я ведь помню всех отлично. Все лица, все голоса. Кто?

Он на миг закрыл глаза. Потом решительно тряхнул головой, пожал плечами.

– Не все ли равно? Узнаю днем позже. Сейчас главное – проклятый стол!

И решительно направился в опустевшую лабораторию.

4

– Нет, – сухо сказал Волгин. – Я жалею, что доверил вам такую важную отрасль, как обеспечение.

– Но ведь вчера они и в самом деле собирались дать нам. Однако сегодня следящая автоматика понадобилась рамакистам...

– Что-о? И вы...

– Да не я: они. Автоматика была запланирована и для нас, и для них.

– Для нас – в первую очередь.

– Теперь положение изменилось. Представители Звездного флота прибыли раньше, чем предполагалось. У них мало времени, и рамакистам приходится проводить все испытания по уплотненной программе. Автоматика нужна им только сегодня, на предварительных показах на полигоне. Испытания в присутствии представителей будут проводиться без автоматического слежения – так, как это будет происходить в рабочей обстановке.

– Программу рамакистов вы могли бы мне не разъяснять, – сердито сказал Волгин. – Она меня не интересует. Одним словом, следящую вы проспали. Когда же они вернут?

– Завтра.

– А мне нужно сегодня. Вечером назначена прикидка, испытание всего комплекса приборов, всей аппаратуры. Когда у них показы – днем?

Обеспечитель торопливо кивнул.

– Хорошо. Поезжайте и заберите автоматику сразу же после того, как они закончат. Потом...

Взглянув в кислое лицо собеседника, Волгин не закончил фразы и махнул рукой.

– Ладно, сидите здесь. Поеду сам. Уж мне-то пусть попробуют не отдать! Витя!

Он огляделся. Ах да, Витька куда-то исчез вслед за этим гостем. Придется ехать одному. Откровенно говоря, не очень хочется: на полигоне кто-то из домика наблюдал, как он объяснялся с рамаком. Если его узнали – а это весьма вероятно, – будет неловко.

Пришлось подогрывать себя мыслями о том, что забирать чужую автоматику еще менее прилично. Кстати, здесь в остальном все в порядке. Разве что еще поговорить с психофизиками, настроить себя для теплого собеседования с рамакистами. Волгин подошел к аппарату.

– Психофизики? Приветствую вас и желаю хорошего настроения. И не только вам. К приему человека вы готовы? Как-никак, это женщина, и переживает, конечно, основательно. Так что не пренебрегайте ничем. Цветы там, музыка, что еще? Если она, идя на стол, не будет бодрой, не будет лучиться радостью – заранее вам не завидую. Если вам ясно, у меня все.

Вот теперь он как будто снова обрел расположение духа. Хотя – уже в третий раз за сегодня, нет, в четвертый – предстояло столкнуться с вариациями на тему рамаков, на сей раз Волгину предстояло выступить в привычной роли официального соперника, и это приводило его в хорошее настроение.

В таком настроении он и влез в аэроплан и бесшумно взлетел. Быстро кончился лес, в котором помещался институт, потянулись зеленые луга, испещренные кустами. Волгин негромко напевал какую-то, нечаянно вспомнившуюся мелодию. Одну из песенок Дальней разведки – тех, которые сочинялись и распевались в таких местах, где было, вроде бы, совсем не до песен. Потом он замолчал: вдалеке показался знакомый забор. Волгин поморщился: а что, если его все-таки видели? Несolidно. Неприятно. Хотя...

Тут он хитро подмигнул сам себе: сейчас-то у него есть все основания приземлиться около лабораторного корпуса полигона, но он этого не сделает. Он оставит машину под тем же деревом, что и с утра, и точно так же преодолеет забор напротив белого домика, предназначенного вообще-то для гостей полигона. Потом пойдет, не скрываясь, к центру. Поскольку

прилетел он по делу, то в крайнем случае не стыдно будет признаться и в том, что утром он был здесь: тоже, мол, хотел зайти по делу, но встретил рамака – и расхотел, а вот теперь, будьте любезны, возвращайте поскорее автоматику: мы не с железом работаем, нам ждать некогда.

Он так и сделал; диагравсионный микродвигатель послушно перенес его через забор, по-прежнему невозмутимо и нагло возвышавшийся среди долины. Оказавшись в пределах полигона, Волгин не стал пригибаться и оглядываться; наоборот, он внешне беззаботно и даже с некоторой лихостью размахивая руками, зашагал туда, где – километрах в полутора – купа высоких деревьев скрывала лабораторный корпус, в котором помещалось и все руководство этой грязной работой, как Волгин про себя – а иногда и не только про себя – называл производство рамаков. Правда, здесь их только монтировали, создание же отдельных узлов и механизмов было делом слишком сложным для того, чтобы им можно было заниматься в условиях полигона.

Он не встретил ни одного рамака, и, по правде говоря, ничуть не пожалел об этом; наоборот, он и не ожидал их встретить, потому что теперь, во время предварительных испытаний, все они должны были находиться где-то в центре. Конечно, если бы такая встреча и произошла, Волгин не подвергся бы никакой опасности, как не подвергался ей утром: рамаки – это было известно – по отношению к людям держались вежливо, никаких агрессивных намерений не проявляли, и вовсе не потому, что уважение к человеку было в них запрограммировано, а потому, что они были разумны; разум же, кстати, имеет свойство противиться навязываемым программам. Но все равно, Волгин не хотел встречаться с ними; он испытывал по отношению к этим сложнейшим созданиям техники и интуиции чувство брезгливости и некоторого возмущения. Мы часто умиляемся разными мелочами, если существо – объект умиления – занимает по отношению к нам подчиненное положение, как например, собака или автоматическое устройство. Но если бы вам пришлось даже не подчиняться, а хотя бы сотрудничать с собакой и автоматом на равных условиях не в той области, где вы и так признаете их превосходство – в области отыскания запахов или, скажем, точной обработки металла, – а во всех областях, то умиление моментально уступило бы место досаде, озлоблению и нежеланию устанавливать контакты с вынужденными партнерами. Поскольку же рамаки внешне напоминали роботов куда больше, чем людей, то отношение Волгина к ним именно таким и было. Во всяком случае, так он объяснял это другим, а порой – и себе, хотя настоящая причина, по-видимому, крылась не в этом.

Волгин медленно приблизился к белому домику для гостей. На этот раз никто не вышел на крыльцо, никто не стал разглядывать нарушителя ни в бинокль, ни простым глазом. Но домик был обитаем, и прибывший на полигон гость, видимо, не принадлежал к людям аккуратным: пустая дорожная сумка валялась около крыльца. Волгин подошел, любопытствуя; сердце забилося сильнее, и он вздохнул с сожалением: такие сумки раньше были только в Дальней разведке, он и сам сохранил такую с тех сказочных времен, когда о делах Дальней Волгин узнавал без помощи кабинетного информатора. Теперь, верно, каждый, кому охота, мог обзавестись этой сумкой, может быть, они даже вошли в моду, а раньше достаточно было увидеть у человека такой предмет, чтобы безошибочно признать в нем своего. Волгин пожал плечами, неодобрительно покачал головой; но задерживаться здесь было некогда, время шло, а сегодня предстояло сделать еще очень многое.

Он достиг лабораторного корпуса. Здесь царило оживление, сотрудники готовились к испытанию, несли какие-то приборы, стереотрубы, портативные радиостанции, все это укладывалось на невысокую платформу, которая, видимо, должна была доставить все необходимое в ту точку полигона, где будет происходить испытание – предварительное испытание, только для своих. Волгина никто не остановил, никто не спросил ни о чем; наверное, полагали, что и он приглашен на испытания, хотя кое-кто из рамакистов наверняка узнал его: он заметил искоса брошенные на него взгляды. Он поднялся на третий этаж, где помещался руководитель

проекта. Кабинет был пуст, киберсекретарь пробубнил, что руководитель в точке испытаний. Волгин торопливо спустился и успел вскочить на платформу в последний момент. Снова никто не сказал ни слова, просто посторонились и дали ему место.

Платформа плавно поднялась; полет продолжался минут пять, не больше – полигон, в сущности, был не столь уж велик. Там, где они приземлились, не было никаких строений, только глубокий, в рост человека, ров, облицованный пластиком и прикрытый пластиковым же козырьком, над которым торчали лишь рога перископов. Рамакисты разбежались в разные стороны, унося приборы; Волгин пытался разыскать взглядом аппараты следящей автоматики, но это ему не удалось, потому что почти сразу он увидел около спуска в траншею длинную фигуру Корна, руководителя проекта «Рамак», и торопливо направился к нему.

Вряд ли Корн был приятно изумлен, увидев Волгина, однако виду не подал; невозмутимость и вежливость его были известны повсюду. Официально улыбаясь, он сделал шаг навстречу.

– По-видимому, мои сотрудники исправили оплошность своего руководителя и направили вам приглашение, – своим обычным ровным голосом произнес Корн. – Сам я, откровенно говоря, этого не делал.

– Не волнуйтесь, – сказал Волгин сухо; часть неприязни, испытываемой к рамакам, он бессознательно перенес и на их создателя. – Я по делу, и всего на несколько минут. Следящая автоматика, которую вы захватили на базе, – наша; и у нас не так много времени, чтобы по вашей милости переносить запланированные эксперименты.

Он внутренне поморщился: получилось грубовато, но иначе не удалось сформулировать мысль.

– Очень сожалею, доктор Волгин, – сказал Корн и наклонил голову в знак извинения. – Могу сказать лишь, что настоящий виновник – не мы: Звездный флот сократил сроки на несколько дней, и мы оказались вынужденными...

– Ладно, – сказал Волгин. – Это все я знаю. Меня интересует, когда вы вернете аппаратуру. Мне она будет нужна...

Он хотел сказать «через час-два», но удержался и назвал настоящий срок:

– Будет нужна сегодня вечером.

– Разумеется, вы ее получите. Собственно, сразу же после испытания надобность в ней минует, и вы...

Корн запнулся, но вежливость предписывала закончить мысль.

– Вы смогли бы сразу же забрать ее, если... если на ближайший час у вас намечены какие-то дела поблизости.

Волгин мысленно усмехнулся.

– Нет, доктор Корн, – сказал он. – Поскольку никаких дел у меня не запланировано, я с удовольствием проведу этот час здесь.

Корн нерешительно кашлянул; видимо, вежливость боролась в нем с неприязнью.

– Хорошо, я буду очень рад. Хотя, откровенно говоря, до сих пор не предполагал, что вы принадлежите к числу сторонников нашего проекта.

– Разумеется, нет, – откровенно ответил Волгин. – Но ведь делаем-то мы одно дело.

– Итак, решено. А сейчас прошу извинить меня, необходимость уточнить план испытания вынуждает нас...

– Ну, само собой, – сказал Волгин. – Я постою здесь.

Ладно, подумал он, сейчас мы посмотрим на твоих питомцев в работе. Может быть, и не так убедительно они выглядят и я зря тороплюсь. Может быть, из этой затеи вообще ничего не получится.

Корн повернулся.

– Вызовите руководителя проверки.

Взгляды окружающих обратились в ту сторону, откуда, видимо, и должен был появиться руководитель испытания. Там было только несколько густо разросшихся кустов. В следующий миг руководитель испытания показался из чащи, и Волгин почувствовал, как мгновенное головокружение пошатнуло его, потому что этот руководитель был рамак.

Он приблизился, плывя в воздухе на расстоянии нескольких сантиметров от земли и повис рядом с Корном. Кольца медленно раздвинулись; их движение окончилось в тот момент, когда полукруглая башенка рамака оказалась на уровне лица Корна.

– Здравствуйте, руководитель, – сказал Корн.

– Здравствуйте, доктор Корн.

Голос был мелодичен, слова неторопливы, и странным казалось, что они исходят не из человеческого рта, а из отверстия в башенке, забранного частой металлической сеткой.

– Итак, у вас все готово?

– Мы всегда готовы, доктор.

– Вы ведь помните сегодняшнюю программу: действия вашей группы, работающей в контакте с группой людей, и второй этап – демонстрация воспроизводства.

– Мы будем выполнять действия первого этапа, доктор Корн.

«Ну и что? – подумал Волгин. – Ничего особенного. Такие ответы может давать и робот. И таким же голосом. Пока еще мне не страшно».

– Я надеюсь, и второго тоже?

– Со вторым возникли некоторые осложнения.

Корн покосился в сторону Волгина, однако ничем другим не выдал замешательства.

– С воспроизводством?

– Впрочем, быть может, все уладится. Мы не хотели бы доставлять неприятности кому-либо из вас. Я поставлю вас в известность несколько позже.

Второй Корн. Ей-богу, второй Корн. Хотя – естественно: он же их воспитывал. У меня они разговаривали бы по-другому. И будут. Но не они, а люди, вот как.

– Какие-нибудь технические неполадки?

– Что вы, доктор Корн. Нет, некоторые затруднения общественного порядка.

– Общественного?

– Разве мы – не общество, доктор? Вопросы равенства сейчас очень интересуют нас. Но было бы слишком долго излагать их, учитывая крайне низкий темп усвоения информации людьми. Я полагаю, мы начнем.

– Пожалуйста, пожалуйста, – торопливо проговорил Корн.

Странно, подумал Волгин. Неполадки. Конечно, можно бы этому и порадоваться. Но это не роботы, нет, Они живут своей жизнью. Я и не представлял, что это так выглядит... Ну, посмотрим, что они сейчас начнут вытворять...

Тем временем рамак отплыл метров на двадцать. Остановился. И затем началось испытание.

5

Они свалились откуда-то сверху; быть может, все время, пока шла подготовка, рамаки, снабженные диагравсионными двигателями, парили где то на неразличимой высоте. Очевидно, это должно было означать, что они прибыли из космоса; глядя на них, в это можно было поверить.

Над самой землей они стремительно замедляли падение и повисали в нескольких сантиметрах над поверхностью планеты. Ни один аппарат, управляемый человеком, не мог бы развивать таких ускорений: пилот не выдержал бы перегрузки. Но рамаки не боялись перегрузок.

Считанные мгновения они висели неподвижно. Широко раскрыв глаза, Волгин смотрел на эту жизнь, которая, будучи однажды создана человеком, сконструирована и изготовлена на его рабочих столах и станках, успела уже стать естественной, живя и даже размножаясь в естественной среде, без какой-либо помощи со стороны своих создателей. Но никаких особенных подробностей разглядеть не удалось, потому что почти сразу же рамаки сдвинулись с места и приступили к выполнению задачи.

Темные, покрытые матовым веществом тела двигались бы совершенно бесшумно, если бы не едва слышное шипение диагравсионного разряда в атмосфере. Сначала их движение казалось беспорядочным, как суетня молекул газа. Они сближались, временами останавливались, собирались по двое или сразу по нескольку и, продержавшись две-три секунды вместе, вновь плыли в разные стороны, чтобы через мгновение соединиться уже с другими, образовав на миг новую фигуру. Иногда тот или другой рамак, отделившись от основной группы, отплывал в сторону, опускался на землю, втягивал кольца и замирал, затем вновь раздвигался и включался в общее движение. Они не обменивались ни единым звуком, и от этого картина непонятого танца становилась еще более жуткой.

Сам того не сознавая, Волгин приблизился к Корну и взял его за локоть.

– Что это значит? – спросил он шепотом.

– Этого мы не знаем, – едва слышно ответил Корн. – Не забудьте, что они работают не по программе. Мы не знаем, что они думают и как будут действовать через секунду. Единственное, чего мы просим, это достижения определенных результатов. Поэта можно попросить написать стихи, но нельзя предписывать ему, как это сделать.

Волгин удивленно покосился на Корна: сопоставление было из той области, в которую он погружался не часто.

– Так что – абсолютная загадка?

– Некоторые предположения есть... Эта группа составлена из рамаков, до сего времени не работавших и не живших вместе. Возможно, здесь происходит образование рабочих ячеек... бригад, если угодно. Но это – предположения...

– Вы не пытались узнать?

– Они не любят говорить на эту тему... Но смотрите, смотрите: они начинают!

И в самом деле, беспорядочное движение прекратилось. Рамаки окончательно разбились на несколько групп по три-четыре в каждой. Кроме того, пять фигур отделились в стороны, образовав правильный пятиугольник, внутри которого оказались остальные.

– У них абсолютное геометрическое чутье, – прошептал Корн. – Это мы наблюдали уже не раз.

Оказавшиеся в вершинах пятиугольника рамаки втянули кольца и опустились на землю. Через миг они снова раздвинулись до предельной высоты; из башенок выдвинулись короткие, толстые антенны, на концах их раскрылись решетчатые рефлекторы. Вслед за тем такие же антенны расцвели и над остальными башенками и зашевелились, словно нащупывая друг друга.

– По-видимому, налаживается энергетический обмен, – негромко пояснил Корн. – Эти, по периметру, будут поставлять дополнительную энергию, если отдельные действия окажутся не под силу кому-либо из остальных.

– Взаимопомощь по принципу муравейника?

Корн отрицательно покачал головой.

– По принципу людей, доктор Волгин. Не ниже. Но спустимся в укрытие: пора, я полагаю.

Волгин огляделся, и увидел, что остальные присутствовавшие уже укрылись в траншее. Он торопливо последовал за руководителем проекта: от рамаков наверняка можно было ожидать чего угодно.

Словно именно присутствие людей на поверхности мешало им работать, рамаки сразу же принялись за дело. Из колец выдвинулись манипуляторы; у каждого рамака их было шесть. Волгин заметил, что манипуляторы разделялись на три группы; одни были покороче и потолще, другие – тонкие, длинные, гибкие. В следующий миг Волгин зажмурился: казалось, загорелась земля – вспыхнуло пламя, повалил дым. Когда он рассеялся, оказалось, что пятиугольная площадка покрыта блестящим, твердым на взгляд слоем какого-то вещества, воздух над ней дрожал, словно над раскаленной солнцем землей.

– Стартовая площадка? – спросил он.

– Нет, платформа для строительства станции. По договоренности с ними, подразумевается, что среда планеты враждебна для человека.

– Гм, – кашлянул Волгин. Среда такая, конечно, бывает, но до сих пор и на такие планеты разведчики высаживались без посторонней помощи. Так что – стоит ли игра свеч?

– Да, высаживались. Но сколько из высадившихся никогда больше не приняло участия в стартах? Не слишком ли дорогая цена?

– Конечно, но многое в человеческой деятельности связано с риском. И человек идет на этот риск вовсе не потому, что его кто-то заставляет. Он идет по своей внутренней потребности, потому, что иначе не может. Зачем же ему отдавать свое дело другим, которые ко всему тому даже не люди?

Но собрать все мысли и впечатления воедино можно будет и позже. Сейчас, раз уж удалось попасть на испытание, надо смотреть и наблюдать, и запоминать, чтобы потом оценить – насколько же серьезный конкурент появился в космосе. Кстати, что они там успели?

Волгин приник к окуляру перископа. По краям площадки уже поднималось несколько ажурных мачт. Откуда взялись детали для них? Неужели их подвезли в те краткие секунды, пока Волгин не смотрел в перископ? Или... они создали их на месте? Из чего же? За пределами площадки – какие-то черные кучи, несколько рамаков возятся около них. Что они, в самом деле плавят металл на месте? Здесь нет никаких руд... Или это не металл? Что-то на кремниевой основе? Может быть. Во всяком случае, такого материала до сих пор, насколько известно, в строительстве не применялось...

Он повернулся к Корну; доктор пожал плечами.

– Мы не знаем, что это. Потом попытаемся исследовать. Рамаки ведь решают на месте, что и как делать. И о материалах, и о конструкциях...

– Вы хотите сказать, что эта конструкция станции им наперед не задана?

– Конечно, нет. В космической разнообразии, как вы знаете, типовые проекты неприменимы. Рамаки знают, какие функции должна выполнять станция, предназначенная для людей. Остальное они решают сами. Доктор Волгин, после испытания я с удовольствием расскажу вам все, что знаю по этому вопросу, но сейчас я хотел бы наблюдать...

– Извините, – пробормотал Волгин и умолк.

Что типовые проекты не годятся, это он и сам знал. Но так, сразу – без разработки, без создания модели...

– Они у вас – великолепные инженеры, – не удержался он. Корн тяжело вздохнул, но все же ответил:

– Разумеется, доктор Волгин. Но примите во внимание мощь их кристаллического мозга и его быстрое действие. Уверяю вас, в переводе на наш масштаб, они затратили на проект не меньше времени, чем понадобилось бы нашему проектному отделу того же профиля. Разумеется, чтобы выиграть время, мы пользуемся определенными стандартами. Рамаки же в этом не нуждаются.

– В таком случае, завидую конструктору их мозга.

Корн удивленно взглянул на Волгина.

– Кристаллический мозг не конструируется – он выращивается. Это было открытие, не изобретение. Я полагал, что столь элементарные истины вам известны.

– Да, – пробормотал Волгин. – Что-то я, конечно, слышал...

Может быть, и действительно слышал. Но какое дело до кристаллического мозга тому, кто занят мозгом живым? Но что-то и впрямь было. Об этом сообщали. Ага! Кристаллы эти, к сожалению, не растут больше определенного размера, а способа их соединения найти не удалось. Поэтому для создания больших машин они оказались непригодными, и тогда-то и возник этот проклятый проект «Рамак».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.